

УДК 343.98(44)(09)

DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).399-406

РАЗВИТИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ВО ФРАНЦИИ В XIX ВЕКЕ

М.В. Захарова^{1, 2}

¹ Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),

г. Москва, Российская Федерация

² Университет Пуатье, г. Пуатье, Франция

Информация о статье

Дата поступления

11 июня 2015 г.

Дата принятия в печать

23 марта 2016 г.

Дата онлайн-размещения

29 июня 2016 г.

Ключевые слова

Криминология; преступление;
преступник; Франция; развитие
криминологического знания;
научная школа; зарубежный опыт

Финансирование

Проект 1658 «Взаимодействие
правовых систем современного
мира в условиях глобализации»
на основании задания 2014/405
на выполнение государственных
работ в сфере научной деятельности
в рамках базовой части государствен-
ного задания Минобрнауки России

Аннотация. Статья посвящена анализу развития криминологического знания во Франции в XIX столетии. Критически оценивая первоисточники по указанной проблеме, автор делает вывод о том, что XIX в. с полным основанием можно назвать первоначальной точкой институционализации криминологического знания во Франции. В частности, речь идет о формировании отдельных криминологических школ: френологической и социологической, школ «социальной гигиены» и уголовной антропологии.

Также в статье отмечается, что в XIX в. французская криминология приобрела свои печатные источники; исследования в данной области носили системный характер и получили апробацию на различных научных форумах; отдельные составляющие научного знания были имплементированы в учебный процесс. При этом, как подчеркивается в статье, в отдельных вопросах французские криминологи шли за сложившимися мировыми тенденциями (как это было со школой уголовной антропологии), в каких-то — предлагали новые взгляды на решение криминологических проблем, зачастую опережая свое время (так было, в частности, с идеей френологов об отмене смертной казни).

Указанные исследователи создали теоретическую основу для современных работ в области криминологии. Так, Ж.-Ф. Гайро и Ж.Д. Винсен продолжили развитие биологизаторского направления во французской криминологии, основы которого были заложены Ф.Э. Фодерэ еще в начале XIX в. Для российской социологической школы уголовного права и школы уголовной антропологии влияние французской криминологической доктрины XIX в. проявилось в выборе общих научных платформ и методик при исследовании проблем преступности и оценки личности преступника.

THE DEVELOPMENT OF CRIMINOLOGICAL KNOWLEDGE IN FRANCE IN THE 19TH CENTURY

Maria V. Zakharova^{1, 2}

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

² The University of Poitiers, Poitiers, France

Article info

Received

2015 June 11

Accepted

2016 March 23

Available online

2016 June 29

Keywords

Criminology; crime; criminal; France;
development of criminological
knowledge; research school; foreign
experience

Abstract. The paper analyses the development of criminological knowledge in France in the 19th century. The author presents a critical overview of the original sources on this topic and comes to the conclusion that there is a good reason to view the 19th century as the beginning of the institutionalization of criminological knowledge in France. The article describes the emergence of separate criminological schools: phrenological and sociological, the schools of «social hygiene» and criminal anthropology.

The paper also states that the first French criminological publications appeared in the 19th century; research in this field was systemic and its results were presented at different research forums; some of its elements were implemented in the process of education. Besides, the author stresses that in some areas French criminologists followed established world trends (in the case of criminal anthropology), while in others they offered new views on the solution of criminological problems which were often ahead of their time (for example, the idea of phrenologists to abolish capital punishment).

Financing

Project 1658 «Interaction of Contemporary World's Legal Systems in the Conditions of Globalization», based on task 2014/405 for state-sponsored research within the basic part of the State Task of the Ministry of Education and Research of Russia

These researchers established the theoretical basis for contemporary criminological work. Thus, F. Gayraud and J. Vencent continued the development of the biologizator school of French criminology whose basis was laid by F.-E. Fodéré in as far back as the early 19th century. The impact of French criminological doctrine of the 19th century on Russian school of criminal law sociology and the school of criminal anthropology was manifested by the choice of general research platform and methodology when researching the issues of criminality and assessment of a criminal's personality.

Как подчеркивает профессор Гюнтер Кайзер, свои исходные идеи криминология стала черпать в правовой медицине, получившей с XV в. бурное развитие. А свои достижения в этой области европейцы изложили в труде по судебной медицине уже в середине XIII в. [1, с. 46].

Сам термин «криминология» получил распространение после выхода в свет в 1885 г. книги итальянского криминолога Р. Гарофало, которая так и называлась — «Криминология» [2, с. 24].

Но откуда есть пошла криминологическая наука во Франции?

Принято считать, что во многом начальный импульс к развитию криминологического знания в XIX в. в этой стране был задан прежде всего работами Ч. Ломброзо. Однако история криминологического знания во Франции убедительно показывает, что работы Ломброзо определили лишь эволюцию научных исследований в означенной области, но отнюдь не ее начало.

Какие же шаги были сделаны французскими исследователями еще до выхода в свет знаменитой работы Ч. Ломброзо «L'Uomo delinquente» и каковы общие закономерности развития криминологической науки во Франции в XIX в.?

Отвечая на первый вопрос, нужно прежде всего уделить внимание такому течению, как френология (от греч. *phrenos* — душа, нрав, характер и *logos* — учение). Его основоположником стал австрийский анатом Ф.И. Галль (1758–1828). Он пытался найти связь физиологических особенностей строения мозга человека и животных с их психическими особенностями. По мнению Галля, в головном мозге есть ряд участков, отвечающих за различные качества и способности человека, например скупость, жадность, смелость, музыкальные способности, поэтический талант и т.п. Эти участки, развиваясь, оказывают давление на крышку черепа и вызывают на ее поверхности ряд бугров. Чем выше бугор, тем больше у человека выражена данная способность или данное качество. Нанеся на карту черепа местоположение бугров, а следовательно

но, и соответствующих участков мозга, можно судить по ней о способностях и характере данного человека [3, с. 622].

Последователями Ф.И. Галля во Франции стали Ж. Буайо, Ф. Бруссе [4], в Великобритании — Т.Х. Форстер, Ж. Комб, в США — Ж.С. Уоррен, С.Х. Колдвелл, братья О.С. Фовлер и Л.Н. Фовлер. В 1831 г. (уже после смерти самого Ф.И. Галля) в Париже было создано Френологическое общество (*Société phrénologique de Paris*).

Особое внимание френологи уделяли проблемам связи медико-психологической и криминальной сторон личности преступника. В манифесте Френологического общества Парижа (1835) мы, в частности, можем проследить такую немаловажную идею: «Преступника следует рассматривать как человека больного (болен его мозг)... И если в пенитенциарных учреждениях его перевоспитать (вылечить) возможно — надо сделать это, затем вернув в общество; однако в любом случае общество не должно убивать его, вынося смертные приговоры» [5, р. 30].

Другим немаловажным тезисом френологического учения стала конструкция индивидуализации назначения наказания. Что касается призывов френологов к отмене смертной казни — этого «остатка варварства», как называл ее Владимир Соловьев, то они были услышаны французской законодательной практикой крайне поздно: соответствующие изменения в Уголовный кодекс Наполеона были внесены только в 1981 г.

Оценивая представленное учение, следует сказать, что ни при жизни его автора, ни после его смерти френология не рассматривалась как учение аксиоматическое: лекции Ф.И. Галля были запрещены на его родине. С острой критикой френологии обрушились на ее представителей медики, специализирующиеся в области юриспруденции [6]. Современная нейрофизиология опровергла теорию бугров Галля: в действительности психические свойства человека не определяются рельефом поверхности моз-

га. Однако, на наш взгляд, не стоит спешить стирать данное течение с исторических карт французской криминологической науки. Безусловная его заслуга — обращение к физиолого-психологическим характеристикам личности преступника. С другой стороны, как и все биологизаторские течения, данное направление при вульгарном его использовании может стать удобной платформой для социальных практик тоталитарных режимов.

Кроме френологии и краниоскопии, во Франции в первой половине XIX в. получает развитие концепция «социальной гигиены». Одним из ее идейных вдохновителей становится медик Ф.Э. Фодерэ (1764–1835). Именно он последовательно будет пропагандировать применение медико-психологических знаний в области отправления правосудия и социальной реконструкции общественной жизни. Эти семена лягут на благодатную почву: революционные перемены потребуют и перемен в социальной жизни. В последующем (уже в период Консулата) в Париже будет создано Санитарное общество, задачей которого станет борьба с алкоголизмом и другими социальными недугами. В 1829-м выйдет в свет первый номер *Annales d'hygiène publique et de médecine légale*. В программном заявлении, сделанном в этом печатном издании, мы можем увидеть следующие важные идеи развития *médecine légale*: «Преступления и проступки есть болезни общества; задача *médecine légale* состоит не только в их изучении, но и в помощи правительству в борьбе с ними»¹.

Помимо определения общего вектора исследований в области «социальной гигиены» представители данного направления высказали и ряд новаторских для своего времени научных положений. Так, П. Люка в своем диссертационном исследовании, датированном 1833 г., приходит к выводу о возможности «заражения» в социальной среде преступными и иными анти-социальными поступками [7]. Впоследствии эту мысль блестяще разовьет Габриэль Тард в своем учении о преступном подражании.

Не следует также забывать, что именно во Франции впервые был проведен систематический сбор уголовной статистики. Ее составитель

Андре-Мишель Герри (1802–1866) опирался в своих изысканиях на цифровой материал за 1825–1830 гг. Он первым признал распределение преступности прежде всего по возрастным группам и, в частности, показал, что в группе преступников в возрасте от 25 до 30 лет она достигает апогея. Он обнаружил также, что бедность как причина преступности не играет определяющей роли: как раз в наихуднейших департаментах Франции мошенничество и воровство встречались реже всего. Имущественные преступления всецело зависят от развития торговли и промышленности. Важнейшей причиной преступности Герри считал снижение требований морали в обществе, противостоять которому только развитием интеллекта (обучением, образованием) нельзя: для этого необходимо морально ответственное воспитание в плане надлежащего становления характера [8, с. 73].

Итак, как видим, первая половина XIX в. стала плодотворным периодом в развитии криминологического знания во Франции. Во второй половине XIX в. в связи с общемировыми достижениями в данной области научные изыскания будут продолжены и интенсифицированы.

Переходя к ответу на второй вопрос, отметим следующее. XIX век с полным основанием можно назвать первоначальной точкой институционализации криминологического знания во Франции. Криминологическая наука, безусловно, не была одинока в выборе временной площадки для столь масштабного шага в развитии. Сравнительное правоведение и юридическая антропология, философия права и правовая социология — их системное построение во многом было задано тоже в XIX столетии.

В отличие от так называемой младенческой эпохи в развитии криминологического знания, эпоха институционализации смогла, на наш взгляд, дать криминологическому знанию совершенно новые онтологические начала. Каковы же они?

1. Криминологические исследования приобрели системный характер; партикуляризм в их основании отошел на второй план.

2. Криминология приобрела свои печатные источники; исследования в данной области получили апробацию на различных научных форумах; отдельные составляющие научного знания были имплементированы в учебный процесс. Так, школа «социальной гигиены» как научно-

¹ *Annales d'hygiène publique et de médecine légale* 191 volumes, 1829–1922. Tables : table des tomes 1 à 20 de la série 1; 1829–1853. P. : Jean-Baptiste Baillière, 1829–1922.

образовательное направление получит развитие в Париже, Страсбурге и Монпелье.

3. Начали формироваться отдельные юридические школы в данной области науки.

Ранее мы уже писали о френологии и школе «социальной гигиены». Во второй половине XIX в. развитие медицинского направления в криминологии будет продолжено. Значимыми направлениями в указанный отрезок времени становятся уголовная антропология (3.1) и социологическая криминология (3.2).

3.1. Как отмечает Л.В. Кондратюк, Э. Ферри (1856–1929) был одним из первых, кто считал, что синтез научных представлений о криминальном поведении человека следует осуществлять в рамках всех представлений и знаний о самом человеке, памятуя не только о его биологической, но и о социальной природе [9, с. 114].

В своей работе «Уголовная социология» Ферри предлагает читателю учение Ломброзо о прирожденном преступнике, как пишет С.В. Познышев в предисловии к русскому изданию книги 1908 г., «в новейшей обрисовке» [8, с. 13], излагая также «разнообразные возражения, которые делались относительно этого учения» [10, с. 13]. Одной из главнейших научных заслуг Ломброзо перед уголовной антропологией, по мнению Ферри, является то, что «он внес свет в исследование современного преступного человека, указав, что такой человек вследствие ли атакизма, вырождения, остановки в развитии или иного патологического условия воспроизводит органические или психические свойства примитивного человечества» [10, с. 67]. Недостаток концепции Ломброзо видится Ферри в том, что Ломброзо «в первом и даже во втором издании своего сочинения приписывал всем преступникам всю совокупность характерных ненормальностей... создавая таким образом абстрактный тип преступного человека, вроде среднего человека Кетле... В действительности же большинство наблюдений показывает, что лишь часть преступников обладает всей совокупностью этих аномалий... и чтобы точно установить действительное значение этих данных, необходимо разделить преступников на несколько категорий» [10, с. 135]. Ферри выделяет соответственно пять классов преступников: преступники душевнобольные, преступники прирожденные, преступники привычные, преступники случайные, преступники по страсти [10, с. 148].

Именно Э. Ферри становится одним из инициаторов проведения регулярных конгрессов по уголовной антропологии. В ноябре 1885 г. в Риме проходит Первый международный конгресс. В это же время выходит французский перевод книги Ч. Ломброзо «L'Uomo delinquente» — работы, вызвавшей оживленную дискуссию среди представителей данного научного течения.

Франция активно подключается к антропологическому движению в криминологии. Начиная с 1885 г. начинает выходить журнал «Les Archives d'anthropologie criminelle». Франция берет на себя и организацию Второго международного конгресса по уголовной антропологии: он состоится в 1889 г. в Париже. Еще раньше (в 1859 г.) П. Брока организует la Société d'Anthropologie de Paris, целью создания которого провозглашаются «научные исследования человеческих рас» (ст. 1 Статута la Société d'Anthropologie de Paris). Публичной площадкой для презентации данного научного направления становится Revue d'Anthropologie. На страницах данного журнала мы, в частности, можем найти интересное исследование профессора медицинской антропологии и основателя la Société de médecine publique et d'hygiène professionnelle Артюра Бордье. Оно посвящено антропологическому анализу гильотинированных убийц. Черепные коробки преступников этой группы, по мнению А. Бордье, содержат все признаки атакизма, характерные для человеческих рас прошлого и практически не имеющие распространения в наши дни [11, p. 266–300].

Также заметными исследованиями по уголовной антропологии тех лет следует считать работы Л. Мануврие, П. Топинарда [12].

В работе «Антропология и право» Л. Мануврие выделяет «благоприятную почву для совершения преступлений», к которой относит «гнусную природу человеческого бытия» [13]. Во многом именно с его именем связывают появление «антропотехнии» (на фр. — *anthropotechnie*, по аналогии с *zootechnie*) — науки о гармоничном развитии личности. Согласно Мануврие, решающую роль в таком развитии должны сыграть теоретические максимы антропологии.

Интересен взгляд исследователя и на типологию человеческой личности. Он выделяет так называемый возвышенный тип человека — ученые, артисты, литераторы и грубый тип человека.

И П. Топинард, и Л. Мануври не разделяют идею Ч. Ломброзо о «прирожденном преступнике». Они исходят из тезиса о смешанной природе преступности, детерминированной как психолого-биологическими характеристиками личности, так и социальными факторами и условиями.

В первой половине XX в. центры уголовной антропологии найдут себе пристанище не только в Европе, но и в Соединенных Штатах Америки. В 1914 г. У. Хили во многом под влиянием учения Ч. Ломброзо опубликует работу «The Individual Delinquent» («Индивидуальный правонарушитель»).

3.2. Говоря о социологическом направлении в криминологии, нужно подчеркнуть, что именно французские исследователи — Эмиль Дюркгейм и Габриэль Тард — стали одними из первопроходцев этого научного течения в общемировой гуманитарной практике.

Э. Дюркгейм (1858–1917) считается родоначальником школы социальной дезорганизации. Он заложил основу теории аномии, согласно которой избежать отклоняющегося поведения нельзя, поскольку в обществе наблюдается огромное разнообразие различных видов поведения. Нормально же оно в том смысле, что общество без преступлений оказывается болезненно законтролированным. Если полностью устранить преступность в обществе, в нем не будет прогресса и каких-либо социальных изменений. Преступность логическим образом включена в число базисных условий существования социальной организации [8, с. 74].

Теория аномии нашла отражение и в работе Дюркгейма «Самоубийство» (1897). Наравне с эгоистическими самоубийствами (они имеют место в случае слабого воздействия социальных (групповых) норм на индивида, остающегося наедине с самим собой и утрачивающего в результате смысл жизни) и альтруистическими самоубийствами (вызваны полным поглощением обществом индивида, отдающим за него свою жизнь) он выделяет аномические самоубийства, которые определяются «беспорядочной, неурегулированной человеческой деятельностью и сопутствующими ей страданиями» [14, с. 342]. Типическими формами аномических самоубийств Дюркгейм называет экономические самоубийства. «В промышленном мире, — пишет он, — кризис и состояние аномии суть явления не только постоянные, но, можно даже сказать,

нормальные. Алчные вожделения охватывают людей всех слоев и не могут найти себе определенной точки приложения. <...> Лихорадочная ненасытная погоня за воображаемым обесценивает наличную действительность и заставляет пренебрегать ею... <...> В конце концов даже одно ощущение усталости способно породить безнадежное разочарование, ибо трудно не почувствовать в конце концов всей бессмысленности погони за недостижимым» [14, с. 341–342]. Формами аномических самоубийств у Дюркгейма выступают также самоубийства, детерминированные семейными обстоятельствами — разводом и вдовством. В последнем случае «расстройство семейного очага тяжело сказывается на том, кому приходится пережить своего жизненного спутника. Он не может приспособиться к своему одинокому положению, и соблазн самоубийства легче увлекает его» [14, с. 346].

В дальнейшем, как отмечает А.Б. Гофман, «концепция аномии разрабатывалась в исследованиях социальных норм, в социологии права, морали... Из наиболее известных разработок такого рода следует указать на концепцию американского социолога Мертона» [15, с. 331].

Другой представитель социологического направления в криминологии, Г. Тард (1843–1904), вошел в историю гуманитарного наследия Франции как разработчик теории преступного подражания. В данной связи он, в частности, подчеркивал: «Все главнейшие акты общественной жизни совершаются под властью примера. <...> Убивают и не убивают из подражания: кому пришло бы в голову драться на дуэли или объявлять войну неприятелю, если не было известно, что так всегда делалось в данной стране? Кончают жизнь тоже из подражания: известно, что самоубийство — явление в высшей степени подражательное; во всяком случае невозможно отказать в этом признаке «массовым самоубийствам побежденных народов, которые прибегают к смерти, чтобы не терпеть ига чужеземцев» [16, с. 106].

Тесно связаны с учением Г. Тарда о преступном заражении и его идеи о преступности толпы, которая с наибольшей очевидностью проявляет себя «во время великих сцен революции». Одна искра страсти, брошенная в смесь различных и незнакомых друг другу элементов, согласно Тарду, способна превратить бессвязность в связь, шум — в голос и тысячи сплотившихся

людей — в одно животное, в безымянного и чудовищного зверя, с непреодолимым упорством идущего к своей цели [16, с. 107].

В дальнейшем, как мы помним, Питирим Сорокин продолжит социологическую оценку революций и убедительно докажет в своих работах ее пагубную для человечества природу. Революцию он назовет «великой трагедией», которая «богата лозунгами и гимнами свободы и очень бедна соответствующими им делами... Она похожа, говоря языком медицины, на «болезни атипические», ход и развитие которых врач не в состоянии предсказать... Иногда, начав с незначительного симптома, не внушающего никаких опасений, они неожиданно кончаются смертельным исходом...» [17].

Интересен взгляд Г. Тарда и на социальную ответственность преступника. Он не отрицает, что «физические или физиологические побуждения определяют желания; но их воздействие, будучи лишь частичным, ничуть не мешает ответственности преступника» [16, с. 197]. Таким образом, позиция Тарда идет вразрез с биологизаторскими конструкциями обоснования преступности. Теорию Ч. Ломброзо о прирожденном преступнике Габриэль Тард также склонен отрицать. Он пишет, что «преступник — это продукт столько же социальный, сколько и естественный; он, если мне позволят так выразиться, социальный эксперимент...» [16, с. 11].

Резонно выглядят замечания Г. Тарда о том, что «естественное преступление» и прирожденная преступность — две вещи разные и что первое не может служить объяснением для второй. <...> ...Прирожденная преступность в другие времена, в другой среде и при других условиях их жизни могла проявиться в формах, очень резко отличающих ее от тех, в которых она проявилась перед нашими глазами. <...> Существует лишь очень немного людей, которые всегда и везде совершали бы преступления, естественные или нет, как лишь очень немногие никогда и нигде не поддались бы искушению согрешить» [16, с. 15].

Итак, как видим, Эмиль Дюркгейм и Габриэль Тард, пользуясь общей методологической основой социологии, приблизились к раскрытию общественных детерминантов преступности. Их работы стали неким реверсом к излишнему биологизаторскому курсу, который взяла французская криминология в начале — середине XIX столетия.

В качестве общих выводов по означенной в заглавии статьи проблеме отметим следующее:

1. В XIX в. состоялась первоначальная институционализация криминологического знания во Франции. В этой связи мы можем констатировать:

– формирование отдельных криминологических школ (френологической и социологической, школ «социальной гигиены» и уголовной антропологии);

– создание и активное функционирование публичных площадок для обмена научными идеями. К их числу можно отнести различного рода криминологические научные сообщества, международные конгрессы по актуальным проблемам криминологического знания, криминологические печатные издания, а также научно-образовательные центры по презентации соответствующих направлений в науке.

2. Французскими исследователями в их работах был освещен широкий круг проблем. Это и вопросы о причинах преступности и типологии преступников, социальной ответственности личности за содеянное и необходимых программ правительства по оздоровлению криминальной обстановки. В каких-то компонентах знания они шли за сложившимися мировыми тенденциями в криминологии (как это было с уголовной антропологией), в каких-то — предлагали новые взгляды на решение криминологических проблем, зачастую опережая свое время (так было, в частности, с идеей френологов об отмене смертной казни).

3. Выводы, оценки, научные гипотезы, предложенные французскими криминологами XIX столетия, получили свое дальнейшее подтверждение и развитие в трудах современных французских и зарубежных криминологов. Так, в работах Ж.-Ф. Гайро [18] и Ж.Д. Винсена [19] мы находим продолжение биологизаторского направления во французской криминологии, основы которого были заложены Ф.Э. Фодерэ еще в начале XIX в. Российская социологическая школа уголовного права и школа уголовной антропологии также во многом испытали на себе влияние французской криминологической науки. Указанное влияние проявило себя в выборе общих научных платформ и методик в исследовании проблем преступности и оценки личности преступника.

Кроме того, и практическая юриспруденция впитала многие гуманистические идеи, про-

возглашенные французскими криминологами в XIX в. Так, принцип индивидуализации наказания, о необходимости введения которого неоднократно писал Э. Ферри, нашел свое подтверждение в законе № 2008-174 от 25 февраля 2008 г., устанавливающим в том числе основания освобождения от уголовной ответственности в связи с психическим расстройством лица, совершившего преступление, а также в практике Европейского суда по правам человека (см., в частности, решение по делу «Achour contre France» от 26 марта 2006 г.).

4. В наши дни в условиях развития информационного общества — общества третьей волны, как назовет его Э. Тоффлер, идеи П. Люка и Г. Тарда о заражении преступными действиями

кажутся как никогда актуальными и требующими дальнейшей проработки в рамках российской криминологической науки. Широкий круг преступлений становится предметом для подражания в социальной среде, а быстрота распространения знаний о них (сегодня в Интернете можно с легкостью найти рецепты не только диетических блюд, но и наркотических смесей) должна стать для государства и гражданского общества серьезным посылом к интенсификации борьбы с ними.

5. XIX век смело можно назвать *Belle Époque* в развитии криминологического знания во Франции. Век XX станет новой, но не менее плодотворной социальной площадкой для означенных выше исследований, диспутов, практик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кайзер Г. Криминология: Введение в основы / Г. Кайзер ; пер. с нем. В.Д. Балакина. — М. : Юрид. лит., 1979. — 320 с.
2. Кузнецова Н.Ф. Современная буржуазная криминология : учеб. пособие / Н.Ф. Кузнецова. — М. : Изд-во МГУ, 1974. — 95 с.
3. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат / под ред. Ю.С. Гамбарова [и др.]. — М. : Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1939. — Т. 45, ч. 1. — 671 с.
4. Broussais F.-J.-V. Cours de phrénologie / F.-J.-V. Broussais. — P. : J.-B. Baillière, 1836. — 850 p.
5. Mège J.-B. Manifeste des principes de la Société phrénologique de Paris, adopté dans sa séance du 9 décembre 1834 / J.-B. Mège. — P. : Pihan-Delaforest, 1835. — 36 p.
6. Fodéré F.-E. Traité de médecine légale et d'hygiène publique ou de police de santé : adapté aux codes de l'Empire français et aux connaissances actuelles... / F.-E. Fodéré. — P. : Mame, Univ. de Lyon, 1813. — 606 p.
7. Lucas P. De l'imitation contagieuse ou de la propagation sympathique des névroses et des monomanies / P. Lucas. — P. : Didot le jeune, 1833. — 80 p.
8. Шнайдер Г.И. Криминология : пер. с нем. / Г.И. Шнайдер ; под ред. Л.О. Иванова. — М. : Прогресс : Универс, 1994. — 502 с.
9. Кондратьев Л.В. Антропология преступления / Л.В. Кондратьев. — М. : Норма, 2001. — 337 с.
10. Ферри Э. Уголовная социология / Э. Ферри. — М. : Инфра-М, 2005. — 658 с.
11. Bordier A. Étude anthropologique sur une série de crânes d'assassins / A. Bordier // La Revue d'Anthropologie. — 1898. — T. 2. — P. 265–300.
12. Topinard P. L'anthropologie / P. Topinard. — 5-me éd. — P. : C. Reinwald, 1895. — 560 p.
13. Manouvrier L. L'anthropologie et le droit / L.P. Manouvrier. — P. : V. Giard et E. Brière, 1894. — 52 p.
14. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А.Н. Ильинского ; под ред. В.А. Базарова. — СПб. : Изд. Н.П. Карбасникова, 1912. — 399 с.
15. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А.Б. Гофмана. — М. : Канон, 1995. — 352 с.
16. Тард Г. де. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Габриэль де Тард. — М. : Инфра-М, 2004. — 397 с.
17. Сорокин П. Социология революции / Питирим Сорокин. — М. : Территория будущего : РОССПЭН, 2010. — 551 с.
18. Gayraud J.-F. Le Monde des mafias, Géopolitique du crime organisé / J.-F. Gayraud. — P. : Odile Jacob, 2005. — 430 p.
19. Vencent J.D. Génétique et violence / J.D. Vencent // Génétique et droits de l'homme / sous la direction de A. Heymann-Doat. — P. : L'Harmattan, 2013. — 242 p.

REFERENCES

1. Kaiser G. *Kriminologie: Eine Einführung in die Grundlagen*. Heidelberg, Karlsruhe, 1976. 250 p. (Russ. ed.: Kaiser G. *Kriminologiya: Vvedenie v osnovy*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1979. 320 p.).
2. Kuznetsova N.F. *Sovremennaya burzhuaznaya kriminologiya* [Contemporary Bourgeois Criminology]. Lomonosov Moscow State University Publ., 1974. 95 p.
3. Gambarov Yu.S. et al. (eds). *Entsiklopedicheskii slovar' Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* [The Encyclopedic Dictionary of Russian Bibliographic Institute Granat]. Moscow Russian Bibliographic Institute Granat Publ., 1939. Vol. 45, pt. 1. 671 p.
4. Broussais F.-J.-V. *Cours de phrénologie*. Paris, J.-B. Baillière, 1836. 850 p.
5. Mège J.-B. *Manifeste des principes de la Société phrénologique de Paris, adopté dans sa séance du 9 décembre 1834*. Paris, Pihan-Delaforest, 1835. 36 p.

6. Fodéré F.-E. *Traité de médecine légale et d'hygiène publique ou de police de santé : adapté aux codes de l'Empire français et aux connaissances actuelles...* Paris, Mame, Université de Lyon, 1813. 606 p.
7. Lucas P. *De l'imitation contagieuse ou de la propagation sympathique des névroses et des monomanies.* Paris, Didot le jeune, 1833. 80 p.
8. Shnaider H.J. *Kriminologie.* Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1987. 969 p. (Russ. ed.: Shnaider G.I. *Kriminologiya.* Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994. 502 p.).
9. Kondratyuk L.V. *Antropologiya prestupleniya* [The Anthropology of Crime]. Moscow, Norma Publ., 2001. 337 p.
10. Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal Sociology]. Moscow, Infra-M Publ., 2005. 658 p.
11. Bordier A. Étude anthropologique sur une série de crânes d'assassins. *La Revue d'Anthropologie*, 1898, vol. 2, pp. 265–300.
12. Topinard P. *L'anthropologie.* 5-me éd. Paris, C. Reinwald, 1895. 560 p.
13. Manouvrier L. *L'anthropologie et le droit.* Paris, V. Giard et E. Brière, 1894. 52 p.
14. Durkheim E. *Suicide: a Study in Sociology.* London, 1952. 241 p. (Russ. ed.: Durkheim E. *Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etyud.* Saint Petersburg, N.P. Karbasnikov Publ., 1912. 399 p.).
15. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Object, Method, Purpose]. Moscow, Kanon Publ., 1995. 352 p.
16. Tard G. de. *Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost'. Prestupleniya tolpy* [The Criminal and the Crime. Comparative Criminality. Mob Crimes]. Moscow, Infra-M Publ., 2004. 397 p.
17. Sorokin Pitirim. *Sotsiologiya revolyutsii* [The Sociology of Revolution]. Moscow, Territoriya budushhego Publ., ROSSPEN Publ., 2010. 551 p.
18. Gayraud J.-F. *Le Monde des mafias, Géopolitique du crime organisé.* Paris, Odile Jacob, 2005. 430 p.
19. Vencent J.D. Génétique et violence. In Heymann-Doat A. (ed.). *Génétique et droits de l'homme.* Paris, L'Harmattan, 2013. 242 p. (In French).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захарова Мария Владимировна — доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация; приглашенный профессор Университета Пуатье, г. Пуатье, Франция; член-корреспондент Международной академии сравнительного права, г. Париж, Франция; кандидат юридических наук; e-mail: avis_777@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Захарова М.В. Развитие криминологического знания во Франции в XIX веке / М.В. Захарова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 399–406. — DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).399-406.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zakharova, Maria V. — Ass. Professor, Chair of the Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation; Visiting Professor, the University of Poitiers, Poitiers, France; Member, International Academy of Comparative Law, Paris, France; Ph.D. in Law; e-mail: avis_777@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zakharova M.V. The development of criminological knowledge in France in the 19th century. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 399–406. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).399-406. (In Russian).